

переживания жизни, как в “Идиоте”. Более того, в этом романе “момент” вообще не является знаком внутренней, духовной жизни героя, и скорее возникает при взгляде на него извне. Так, в эпизоде убийства Шатова о поведении Лямшина говорится: “Бывают сильные *моменты* испуга, например когда человек вдруг закричит не своим голосом, а каким-то таким, какого и предположить в нем нельзя было раньше, и это бывает иногда даже очень страшно” [Т. 10. С. 461].

“Момент” описывает организацию внешнего мира, отношения с другими людьми и внешние связи, в которые нередко помимо воли включен герой. “Пятерка”, собираемая Верховенским, обязана, “действуя пожарами, <...> *ввергнуть страну, в предписанный момент*, если надо, даже в отчаяние”, и ее члены “сплотились в отдельную организацию свободного собрания единомыслящих, чтобы в общем деле разделить друг с другом, в *данный момент*, энергию и, если надо, наблюдать и замечать друг за другом. Каждый <...> обязан высшим отчетом” [Т. 10. С. 418]. Кириллов должен “в данный момент” принять “дело Шатова” на себя. В таком “моменте” отрицается внутренняя свобода человека, а также духовное, высшее значение происходящего.

На это не обращает внимания циничный Верховенский, когда, желая на некоторое время отвести подозрения от себя, “списав” все преступления на застрелившегося Кириллова, называет самоубийство “моментом”, как бы тем самым превращая заявление своеволия Кирилловым в действие, подчиненное делам пятерки и, таким образом, лишенное высшего смысла: “Э, да мы в ярости? – отчеканил он все с тем же видом обидного высокомерия, – в такой *момент* нужно бы скорее спокойствие” [Т. 10. С. 465]. Но разницу между “мгновением” и “моментом” Верховенский знает хорошо. Ставрогин, называя Петра Степановича энтузиастом, говорит, что “есть такая точка, где он перестает быть шутком и обращается в... полупомешанного” [Т. 10. С. 193]. В этой точке у Верховенского также начинается счет на “мгновения”, и для осуществления такого “мгновения” ему необходим Ставрогин, без которого он – “Колумб без Америки”: “Вот видите, я пред вами, столько от вас ожидая, ничего не потаю: ну да, у меня уже давно эта идея об огне созревала <...> я берег ее на критический час, на *то драгоценное мгновение*, когда мы все встанем и... А они вдруг вздумали своевластно и без приказу теперь, в такое мгновение...” [Т. 10. С. 404].

Постепенно “момент” все более становится обозначением фабульного времени.

В романе “Подросток” *момент* как ценностное понятие еще более подвергается сомнению. Ощущение момента, чувство момента – это что-то случайное и непрочное, не несущее в себе знания об истине. Подросток сразу утверждает: “непрерывность и упорство в наживании и, главное, в накоплении сильнее *моментальных* выгод даже хотя бы и в сто на сто процентов!” [Т. 13. С. 68]. Версилов говорит, что